

УВЫ, ВЗАМЕН НАТУРЫ...

Придумайте подписи к фотографии: человек во фраке, с белой бабочкой чинно получает Нобелевский диплом и золотую медаль.

На выставке «Иосиф Бродский. 50 лет», открывшейся в помещении Фонтанного дома Анны Ахматовой в Ленинграде к юбилею известного в мировой культуре поэта, над вышеописанным снимком симпатично смотрит увеличенный статейный заголовок газеты «Смена»: «Тунеядцу воздается должное». Тунеядцу — «нобелевка»: изысканный абсурд! До него вряд ли додумались бы Беккет, Ионеско и Семен Бабаевский, кооперативно

взятые. А какие перлы вычитаем тут же из других статей антибродского содержания! Писанные в 1964 году, когда поэта сажали за тунеядство, они хранят незабываемый аромат эпохи: «О самом И. Бродском говорить противно...» Может, и нынче это имя вызывает у кого-то антипатию, особенно в сочетании с определением «единственный пока русский поэт, получивший за свои стихи Нобелевскую премию» (Бунину и Пастернаку она была дадена за прозу). Но и говорить будут о Бродском не втихаря, и тексты его станут включать в хрестоматии — это теперь вполне ясно.

Выставка к пятидесятилетию Бродского отнюдь не поражает космическим размахом: всего-то одна небольшая комнатенка. Однако оригинальность оформления, емкая информативность экспозиции создают для восприятия плюсовую ауру.

Здесь увидим и рукописно-машинописи поэта, и его книги: два самиздатских «кирипча» размером с «Капитал», несколько «тамиздатских» томов издательства «Ардис» и «Галлимар» (в том числе и на английском). Есть рисунки. На одной акварели-картонке, презентованной кому-то из приятелей, начертан экспромт:

Герой трагедий, оперетт,
вообще — литературы
Вам дарит свой
автопортрет —
увы, взамен природы.

Конечно же, имеется небольшая фотогалерея. Бродский, как манекенщик авангардистского дома мод, предстает на снимках то во фраке, то в тельняшке, то в эзковской телогрейке. (Впрочем, он не первый наш «нобелевец», носивший лагерный ватник. Легко приходит на память по этому случаю фраза из Нобелевской лекции Бродского: «...для человека, чей родной язык — русский, разговоры о политическом эле столь

же естественны, как пищеварение...»).

Экспонируются и более экзотичные предметы: письмо-протест отца поэта, Александра Ивановича, прокурору Ленинграда. Характеристика на Бродского в ОВИР...

В стоп-кадр нашего любопытства не могут не попасть письма Анны Ахматовой, адресованные молодому Иосифу в ссылку, в деревню Норинскую Архангельской области. Дружба и духовная близость Ахматовой и Бродского общеизвестны, и я ожидал, что Анна Андреевна станет писать дорогому ей «тунеядцу» о служении музам, о мужестве в трудный час... Но послания Ахматовой просты по-матерински: «Обещайте мне одно — быть совершенно здоровым, хуже грелок, укулов и высоких давлений нет ничего на свете». И вопросы она задает ставшему лесорубом стихотворцу отнюдь не гам-

летовские: «Унялись ли у вас комары?»

Комары, кажется, унялись. Никто уже не пьет кровь у Бродского призывами к общественно полезному труду. В Америке нет соцобязательств и великих починов. А мы взамен природы, увы, имеем лишь небольшую выставку в родном городе поэта. Правда, ощущаются в этом зальчике не только печаль и грусть: нет-нет, да и улыбнешься здесь сардонически. От осознания несоответствия между недавней травлей поэта, тщательно задокументированной, и золотым результатом его «тунеядства».

Поэта Бродского можно любить или нет — на чей вкус. Но при любых эстетических пристрастиях трудно не испытать на выставке чувство светлого злорадства: не смогли «товарищи» заткнуть рот человеку! А значит, можно-таки быть свободным и при нашем режиме.

Присутствие Бродского среди современников облагораживает — написано в предисловии к его книге «Осенний крик ястреба», вышедшей в этом году уже не за бугром, а у нас. Будем поэтому надеяться на лучшее — и не бояться худшего.

И. КРУЧИК.